

Довлеет дневи

Успокоить ум и войти в красоту. В Коктебеле это так просто. Почему даже здесь это мало у кого выходит?

Бог создал человека созерцателем своей безмолвной красоты и собеседником в молитве. Но только после сорока лет я стал немного понимать, что к чему. Или после пятидесяти. А может быть, и сейчас не совсем понимаю. Не умом, а всем существом понять это удастся только рѣдко, от случая к случаю.

Бог создал человека, чтобы он впустил Его в себя, приобщился к Его воле и поступал так, как Бог на душу положит. Но ум забит чем попало, и Богу некуда войти. У скал, у вод, у деревьев нет свободной воли, Бог входит в них, не спрашивая. Человека приходится спросить. А человек не слышит. Или слышит — и отвечает: потом. Вот сделаю свое дело, тогда откроюсь Тебе. Потом кончились дела, но ум продолжает крутиться и обдумывает завтрашние дела или крутится на холостом ходу, болтает о том о сем...

К одному хасидскому цадику пришли раввины искушать его (хасидизм — не совсем ортодоксальное течение, и раввины иногда искушали цадикув примерно так же, как фарисеи — Христа). Цадик опередил их и спросил: «Где находится Бог?» Раввины стали отвечать: «В каждой пылинке» и т.п. «Нет, — сказал цадик. — Бог там, куда его пускают».

Казалось бы, так просто: успокоить ум, войти в красоту — и открыть на нее глаза. Красота сама поманит к себе. Тогда проси ангелов леса — и моря, и гор принять в свой хоровод.. Пока красота вся не раскроется и не впустит тебя. И в этот миг, войдя в красоту, ты впустил в себя Бога. «Разве можно видеть дерево и не быть счастливым?»

С каждым ликом красоты, открывшимся тебе, эти отношения складываются по-разному и каждый раз заново. Красота горы, красота храма, красота человеческих глаз.. Чайтанья

увидел встречу с Богом в эротическом стихотворении Видьяпати, который, кажется, совсем не думал о Боге, когда писал. Но ум Чайтани был свободен от суеты, и он увидел крупицу Бога в обыкновенной близости мужчины и женщины. А мои современники, сидящие у моря, не видят Бога. Они внешне свободны, они не нагружены заботами, но ум их, привыкший крутиться, болтает о пустяках.

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах...*

Есть повседневные дела, от которых не уйдешь. И в Господней молитве осталась просьба о хлебе насущном. Но очень много лишних забот о завтрашнем дне и совсем ненужных забот о том, что про нас думают и даже не думают, а могут подумать, и никому не нужных объяснений и сожалений о прошлом, которое было и сплыло, и язвительной памяти об обидах. Вместо того чтобы радоваться — мучаешься. А надо радоваться. Живите в радости, учил ап. Павел.

*Радуюсь, Господи, радуюсь,
До исступленья, до слез.
Точно небесному саду я
Радуюсь плеску берез.*

Надо уметь быть счастливым. Счастливый человек незаметно, без усилия делится счастьем, издерганный — своими большими нервами. Нельзя избежать горя и боли, но в каждый миг, когда Бог дает радость, надо брать ее, не закрывать радости путь в сердце. Мы привыкли закрываться. Мы боимся боли. Открытость — это незащищенность. Но защита перекрывает дорогу радости. Быть совершенно открытым — значит быть готовым принять самую страшную, смертельную боль и потопить ее во всецелости; или погибнуть от боли. Кто не рискует — не выигрывает. Кто не открылся угрозе потерять любимую, никогда не испытает блаженства любви.

Все в жизни хрупко, все грозит болью, грозит смертью, унижением, пыткой — но сегодня светит солнце. А завтра... О нем надо подумать, но не заполнять им весь сегодняшний день. Довлеет дневи злоба его. Светит солнце, качаются ветки, ветер срывает с них желтые листья, с берега доносится рокот волн...

Человек иногда считает себя верующим и широко откроет двери Богу, если Бог явится к нему с иконы или как неопалимая

купина. А если обыкновенным кустом? Толпы проходят мимо куста, и никто не спросит:

Что нужно кусту от меня?

Перестали верить в дриад, и вместо искаженного образа Бога — никакого. Просто ствол, ветки, листья, без всякого обращения к тебе, без всякого божественного голоса.

*Для них и солнцы, знать, не дышут,
И жизни нет в морских волнах...*

Самаритяне молились на горе, иудеи — в храме, а Христу было все равно, где. Важно, чтобы в духе и в истине. Потом христиане настроили своих храмов, и опять стало очень важно внешнее: молиться по-латыни или по-гречески? Стоя или сидя? Глядя на иконы или на статуи — или только слушая музыку? А музыка ветра и волн — разве она не Божья?

Довлеет дневи злоба его. И если нет прямых неотложных забот — я в храме. Хотя этот храм — обыкновенная комната, прибранная для молитвы, или группа деревьев, линия моря и скал. И всюду можно молиться, чтобы ангелы Троицы приняли в свой хоровод. Хоровод — это начало религии — и хоровод — ее вершина. «Игра идет в природе Отца, — сказал Мейстер Экхарт, от которого Бог ничего не скрывал. — Зрелище и зрители суть одно». И, почувствовав себя в хороводе, молиться за всех, кто не сумел успокоить свой ум, кого съели идеи, обиды, заботы, зависть, страхи... Возьмите горсточку счастья. Успокойтесь. Вглядитесь в Божью красоту.

*Радуюсь, радуюсь, Господи!
Мир Твой — распахнутый храм.
Точно брильянтовой россыпи,
Радуюсь первым листкам.
Птицы, к заутрене кликая,
Плещутся брагой хмельной.
Радость-то, радость великая:
Бог мой сегодня со мной!*

(Зинаида Миркина)

Дайте вырасти горчичному зерну, стать деревом, осенить вас своими листьями. И когда вы закружитесь в хороводе, не останется неразрешимых проблем. Тогда видишь, какая это нелепость: все местнические споры между принципами — кому сидеть ближе к царю; все споры между осколками истины —

кому занять место царя. Ведь все равно всем сидеть за одним столом, около незримого трона всецелости. Только ярость мешает видеть, какая это глупость — попытки пожрать друг друга, искоренить, разрушить до основания... Воевали, искореняли — и победители живут хуже побежденных, гонители — хуже изгнанных. Те, кто нарекли себя последними, будут первыми в Царстве.